

Женя Голубенко

Animal planet

– Жена у меня говно, но собака меня любит.

Сосед алкаш

Собака такса весело бежит по аллее парка. Собака такса весело упала в открытый канализационный люк. Она с высоты своего малого роста увидела отверстие слишком поздно. Зверю крупно повезло: люк до середины засыпан мусором, а сверху еще и ветку кто-то бросил. Конечно, собака на своих лилипутских ножках по ветке бы не выбралась. Случайному прохожему пришлось лечь на живот, свеситься вниз и вытащить ее наружу. Гораздо раньше, чем подошла хозяйка и успела испугаться, – понять, что произошло.

Цепные собаки, которых я помню: Рекс, Тузик, Пальма, Бобик, Мухтар, Босая, Пират, Жулька, Маричка. Как попасть в дом, если во дворе вдоль длинной проволоки на цепи бегают собаки? Надо, приоткрыв калитку, докричаться до хозяина, затем бочком, бочком, вдоль стеночки за его спиной дойти до угла и в самом опасном месте подождать, когда пса загонят в будку и закроют своим задом. И только потом, пока он рычит и возится в темноте, – быстренько сигануть на крылечко и проскочить в дом. Цепные собаки почти никогда не нападают вне охраняемой зоны. Если собакам удастся изредка сорваться с цепи на прогулку – никакой опасности для людей они не представляют. За исключением печальных эпизодов удушения соседских кур. Своих кур они никогда не трогают.

Адольф Гитлер, великий мистик, верил, что если затопить Берлинское метро – можно спровоцировать всемирный потоп. У него

не получилось. А я, темный в оккультизме, купил кофр для фотоаппаратуры, хотя и не думал заниматься фотографией – просто сумочка удобная приглянулась. Из толстой кожи, очень прочная и вместительная. А вскоре я неожиданно «подсел» на фотографию, вернее, товарищ меня совратил, подсунув свою фотокамеру, когда я ехал в путешествие. В другой раз я купил для кошки собачий поводок-сбрую – хотел приучать ее к прогулкам во дворе. Удивительно было наблюдать, как ловко кот Кицман из него выбирался: становился на задние лапы, извивался, вывинчивался, как змей, подпрыгивал, «козлил». До прогулок дело так и не дошло, но через пару недель в доме завелась собака, и снаряжение оказалось ей как раз впору.

В раннем возрасте по ошибке мне купили набор масляных красок – совсем не детский, а для профессионалов. А лет через семь я поступил в художественную школу, потом в училище. Всю жизнь запах масляных красок меня волнует физиологически.

Как легко обмануть ребенка. Пятьдесят лет назад старичок кучер посадил меня на козлы рядом с собой, дал в руки вожжи и научил понукать лошадь. Я кричал: – Вье!! И она шла вперед. Когда старичок узнал, что я не выговариваю букву «Р» и не могу остановить лошадь криком: – Тпрруу!!! – он меня страшно огорчил – сказал, что я никогда не смогу управлять лошадьми, карьера извозчика для меня заказана. Я научился выговаривать ненавистную букву, но, как ни странно, он оказался прав – извозчиком я так и не стал.

Не каждому случается лечь на амбразуру, отличиться на пожаре, даже посадить дерево удастся не всем. А в далеком советском детстве нам говорили, что в жизни всегда есть место подвигу. Но, как правило, в быту сплошное «мелкотемье» – теория и практика «малых дел»: не испугать голубя, перевести слепую старушку через дорогу или, например, помочь щенку, выскочившему за пределы своего РСУ, вернуться обратно – хотя ворота уже заперты и вахтера нет на месте. Он, несчастный, пытается пролезть между створками и, очевидно, еще недели три назад легко это делал, бегая на улицу и обратно, но... вырос. Вырос, и голова

не проходит в щель. Бросать собаку через ворота опасно – высоко. Я отошел, пригнулся, изучил расстояние под воротами и увидел, что в одном месте на почве углубление. Потом оценил параметры животного: в нем было что-то от левретки, схватил собаку, резко опрокинул ее на бок и, как лист бумаги, просунул под ворота в самом широком месте. Она весело помчалась на свою «историческую родину».

Интересно, что некоторые кошки легко решают такую задачу по геометрии своего тела, заползая под шкаф, лежа на боку.

Я люблю рыбу. Ее вид мне очень по душе. Но как еда... Нет, рыбу я не ем – ее вкус мне неприятен, поэтому я считаю, что рыба мой тотем. Мой предок. Это поэзия. А проза – это детский сад, рыбий жир и тетя Люба повариха. Огромная бабища, фиолетовая, как ее борщи. Она мелко крошила селедку, которую я не хотел есть, смешивала с картофельным пюре и насильственно запихивала мне в рот. Приговаривая при кормлении: – Зараз як дам по пыску! (в смысле, угрожала избиением лица). А вот были ли кошки в детском саду, я не припоминаю.

Собака Каштан в прошлой жизни была инспектором ГАИ. Когда по Успенской мчалась машина с превышением скорости, Каштан бросался наперерез и лаем пытался остановить нарушителя. Реагировали не все, и в результате несколько раз он получал ушибы и переломы передних конечностей. По случаю очередного увечья на «службе» был приглашен для временного проживания в парадное старого дома по месту получения перелома. Остался насовсем. Дом взял под охрану и был очень лоялен к приходящим в гости, исключая посетителей с алкогольной зависимостью. Женился на Каштанке и прописал на своей жилплощади (подстилке на площадке последнего, третьего этажа). Жили они хорошо, но была одна странность – несмотря на наличие собственной парадной, теплой и довольно пустынной, совокуплялись они на улице перед домом, прямо на трамвайной колее, часто разрушая график движения подвижного состава. В какие ролевые игры при этом они играли, разобраться мог бы только Фрейд с учениками, но им, к сожалению, этот случай не известен.

Общежитие отряда ВОХР. Идет интеллектуальная дискуссия среди лимитчиков: стрелков, собаководов и кочегаров, они же – живописцы, скульптора и философы, иногда технари. Посредине комнаты, путаясь под ногами спорщиков, игнорируя высокий градус затронутой вселенской проблемы, старый сибирский кот Василий, потомок кошек, завезенных из русской глубинки в город на Неве взамен съеденных блокадниками, насилует мать тридцати уже взрослых детей Чернушку. И никакого эксгибиционизма в этом нет и в помине, ведь и люди мало тяготятся присутствием своих домашних животных в аналогичной ситуации. Кому придет в голову стесняться своей кошки?

Аналогичный случай, кстати, был в Крыжополе, pardon – в Монреале на центральной улице Шербрук. Прямо на асфальте тротуара мужчина белка схватил девушку белку за холку и взгромоздился на нее, не обращая внимания на прохожих. До этого «белк» долго мчался за суженой по зеленому газону парка, а когда

она выпрыгнула на улицу сквозь ажурную решетку – последовал за ней. Поток машин испугал «девушку», она замешкалась, и «парень» без прелюдий овладел ею.

Студенты во время добровольно-принудительных сельхозработ на болоте нашли дикую утку-подранка. Их очень тронул вид покалеченного животного. Они принесли утку в общежитие, окружили заботой и были возвышенно горды своей добротой. Забота продолжалась день, два и три, но не ветеринары быстро поняли, что зверя им не вылечить. Погоревав, они приготовили из нее жаркое – не пропадать же добру. Тем более что кормили студентов кое-как.

Хэмингуэй советовал: если хочешь получать удовольствие от корриды, не заикливайся вниманием на распоротом брюхе лошади пикадора. Я же советую не рассматривать крысиные хвосты, а сосредоточиться на довольно симпатичных физиономиях этих тварей. На кухне общежития кошка играет с полуживой окровавленной крысой – не для потехи собравшихся жильцов мужского пола, а для обучения своих детей. Котята робеют, они раньше не видели крыс. Зрители возбуждены, как футбольные болельщики, подбадривают молодняк и веселятся. Крыса стоит в углу на задних лапах – она нутром знает, что кошка хватает только сзади и за холку. И тут я первый раз в жизни убил крысу, ударив ногой по голове, прекратил аттракцион – от стыда за наши дикие первобытные инстинкты. Кошка не поняла, и конечно, сильно обиделась.

Открытие собачьего приюта в Одессе. На деньги немецких благотворителей. Праздник. Гостей водят по территории, показывают помещения и рассказывают о назначении каждого. Все новенькое и нарядное, как детский конструктор «Лего». Но какая-то смутная тревога от этих веселеньких сооружений – и вдруг догадка-воспоминание: где же я видел подобное? Ну конечно! Это же почти точная копия лагеря в Освенциме! Те же длинные бараки, та же немецкая рациональность планировки. Только цель постройки совсем другая – минус поменялся

на плюс. В голову лезут дикие пугающие мысли. Немца, любого человека, можно только переориентировать, а характер, натуру, изменить нет никакой возможности. Бедный Карл Маркс и верующие в возможность создания «Нового человека»...

Собаку с серьезным именем Шар я не встречал никогда. Впрочем, и Тузы мне не попадались. Тузик Анны Ивановны – симпатичный брюнет, довольно мелкий и коренастый – нес службу у курятника. Конец цепи был надет на лезвие немецкого штыка, а штык по рукоятку воткнут в землю. Похожим штыком Костенчиха – соседская тетка, мать хронического вора, колола всех свиней в округе. После войны прошло шестнадцать лет. Дядя Тосик, живший в домике под скалой, чистил сортир немецкой каской, прибитой к длинному шесту, – эдаким здоровенным уполовником, а дедушка моего друга Шпындыка приспособил колеса от станкового пулемета к ручной тележке, и все вместе это можно называть «эхом прошедшей войны». Как мне хотелось вытащить из земли штык Анны Ивановны, привязать Тузика к ножке кроличьей клетки и бегать с настоящим, не игрушечным оружием по улице, размахивая, как мечом!

– Гав! Гав! Гав! – маленький мальчик тычет пальцем на кошку, лучезарно улыбаясь своей матери.

– То нэ гавко, то нявко! – поправляет его любящая украинская мать.

В городском парке монашки повадились пасти своих коз. Породистый пес – истинный горожанин, смотрит на диковинку с любопытством. Он только все время поворачивает голову к своему хозяину с выражением на морде: «Я не понял? Что за звери?». Хозяин, загадочно улыбаясь, отшучивается: «Собаки это. Рогатые собаки, что, не веришь? Бывают и такие». Конечно, слова хозяйна – закон, но пахнет же козлом!

Он бросил на нее задорный оценочный взгляд, наклонил голову и прищурился. Не ухоженный, но веселый и нахальный, он подмигнул ей и отвернулся, как бы равнодушно, искоса поглядывая из-под своих длинных собачьих ресниц. Она разволновалась,

завиляла хвостом и посмотрела в глаза хозяину. Хозяин сделал вид, что ничего не заметил, и отвернулся. Шавка Белова смотрела на кобелька восхищенными глазами. «Обыкновенное чмо, – подумал хозяин. – Что она в нем нашла?» Песик глянул на сучку и кивнул головой в сторону кустов – «Ну что, слиняем потихоньку?». Она не могла. Она не могла без разрешения. Она должна была получить его от хозяина, а он делал вид, что ничего не происходит. Кобель подбежал к сучке и обнюхал-освидетельствовал свою избранницу, как китайский врач, во все главные места. Девушка покраснела от смущения (под шерстью этого не видно), высунула язык и тяжело задышала. Кавалер нарочно отбежал подальше, делая вид, что уходит совсем. Но не ушел, а опять призывно кивнул ей головой: «Ну что же ты? Решай быстрее, пока я не передумал!». Шавка ринулась за ним и испуганно остановилась, оглянувшись на хозяина. Хозяин погрозил ей пальцем. «Казанова» отбежал еще дальше и оттуда стал звать за собой «в даль светлую». Сучка разрывалась на части: она хотела любви и не могла ослушаться-огорчить хозяина. Хозяин выругался, плюнул и отпустил ее. Не жестом, не словами, а как-то внутри себя телепатически смирился: да катитесь вы оба нафиг!

Она пришла домой вечером виноватая, усталая и счастливая. Но, как ни странно, не беременная, что выяснилось через некоторое время.

Парадная хрущевской пятиэтажки. Черная с седой мордой, толстоватая на коротких ногах и ужасно злая собака тащит свою хозяйку на прогулку. Жуткий лай и хрип: сама себя душит, натягивая поводок. А следом с виноватым выражением на лице – ее хозяйка. Женщина краснеет от стыда за свою неменяемую собаку. Встречный бомж, на которого бросилась собака, успокаивает великомученицу: – Ничего, ничего, не беспокойтесь, со мной все в порядке – а собачка ваша не злая, это она от страха сама себя подбадривает.

Научные сотрудники, работающие с подопытными животными, утверждают, что участвовавшие случаи нападения на лаборатории и последующий выпуск несчастных животных на свободу абсолютно неприемлем потому, что на воле эти кролики, крысы и т. д. все

равно сдохнут. Однако в Одессе в парке им. Шевченко под ларьком для продажи футбольных билетов долго жила популяция гибридных крыс. Попадались образцы совершенно белые, лабораторные, много было обыкновенных серых и масса потомков от смешанных браков – пятнистых, как кошки. Встречалась и кошка с электродами на голове, но вот она действительно вряд ли долго протянула.

Тузик, очаровательный обаяшка, самоуверенный бодрячок, и Шарик-Димка – печально робкий, как Пьеро, – друзья не разлей вода. Все как у людей: Тузик – лидер, Шарик-Димка – преданно любящий друг. Всюду вместе. Тузик открывает лапой дверь в комнату монтажного цеха и стоит на пороге с выражением: «Ну, вот он я, не ждали? Встречайте! Не вижу восторга в глазах! Что там у нас на ужин?». А из-за спины за мельтешащим хвостом просматривается эрделеобразная морда друга. Тузика отравили (как до этого еще три десятка собак киностудии), а через неделю после его смерти Шарика-Димку сбила машина, прямо напротив проходной. Он даже улицу не умел самостоятельно переходить.

Когда я выхожу на балкон в белом костюме (или черном, или в одних трусах), на шум открывающейся двери сбегаются кошки со всего двора, рукоплещут мне и таращат глаза, как солдаты на своего генерала. Вот что такое настоящая популярность, настоящая любовь электората. Почему объедки моей кошки им вкуснее, чем еда, которую они получают от своих хозяев? Не знаю. Я кормлю их далеко не каждый день, однако если бы выборы в президенты происходили только в моем дворе, вне всяких сомнений – у меня нет соперников. Им не нужны зрелища, мне не приходится им петь, танцевать и устраивать гладиаторские бои. Единственное, что немного обидно, когда я случайно встречаюсь с ними во дворе – кошки не узнают меня. Образ Бога на балконе и этот невзрачный молодой человек в их сознании никогда не сливаются.

Чернуха как таковая. Хвост крысенка прижат пружиной мышеловки, но он спокойно доедает наживку, кусочек сыра, а в полупустой ванной на поролоновой мочалке, как матрос, плавает другая крыса.

Сюрприз гламурный: ваша собака притащила с прогулки коль-
цо дорогой сухой колбасы.

Сюрприз некрофильский: Вывалялась в какашках и принесла
домой ногу полуистлевшей кошки.

– Дед, дед, смотри! Собаки твою ногу потащили! – вопят, вы-
глядывая в окно, пациенты хирургического отделения Белоку-
рец, Голубенко и Мацалышенко. Действительно, на задворках
райбольницы возле зарослей камышей на помойке собаки что-то
нашли и дерутся за добычу. Дед только что пришел в себя после
ампутации и не реагирует на шутников.

У меня нет информации, я, к сожалению, никогда не слышал
об исследованиях, посвященных воздействию собачьей или ко-
шачьей мочи на автомобильные покрышки. Ну, допустим, на док-
торскую эта тема и не тянет, но для курсовой работы – вполне
пристойно можно было бы изучить вопрос, снабдить рукопись
фотографиями и схемами. Химический анализ провести, исходя
из качества питания животных. Сравнить эффект в разных кли-
матических условиях. В условиях Заполярья, например. А какая
тема – собаки и велосипед! Сколько пострадавших могли бы дать
показания, поделиться опытом и воспоминаниями! Лично меня
всегда удивляло – насколько быстро собаки теряют интерес к по-
верженному велосипедисту.

Художник Давид Герард. Традиционная техника. Для его вре-
мени, разумеется. «Дева Мария кормит кашей младенца Хрис-
та» – аналогов не встречал, редкий образец индивидуального
мышления. Его же «Бегство в Египет» – Иосиф на заднем пла-
не дрючком сбивает с дерева плоды. Или картина «Царь Кам-
биз и судья Сизамн» – слева на переднем плане собака занята
интимной гигиеной, говоря попросту, задрав лапу, вылизы-
вает свои гениталии. Все эти работы и смелее, и глубже работ
большинства современных эпатажников. Отдельная тема в ис-
кусстве – поиск блох на теле любимых животных. Изумитель-
ное выражение блаженства на лице собаки в картине Нуньеса
де Вильявисенсио.

В кабинете географии висели муляжи из папье-маше. Они изображали разные виды эрозии. Красиво изуродованные скалы, торчащие из нарисованной воды, – с подписью: «Работа моря». Другое изделие иллюстрировало работу ветра – Кольцо-гора возле Кисловодска.

У меня дома есть интересный образец под названием «Работа Зигфрида». Три ножки кухонного стола, об которые вот уже семнадцать лет точит когти наша кошка. Именно кошка, а не кот, как может показаться из ее имени (мужское имя она получила по нашей ошибке при определении ее пола). Ножки стола по форме напоминают песочные часы – настолько они истончились посередине. Глубокие параллельные борозды от когтей волнисто, повторяя волокна древесины, тянутся почти до пола. Интересно, что четвертую ножку стола кошка почему-то игнорирует.

На наших с женой глазах кавказская овчарка перекусила позвончик уличной кошки. Собака вырвалась из рук хозяйки и бросилась на не успевшую спрятаться за мусорный бак жертву. Мы могли бы и не увидеть этот кошмар, могли не пересечься с ним во времени и пространстве, если бы не мое упрямое нежелание переплачивать таксистам в аэропорту. Я настоял на поездке автобусом, и вместо того чтобы ехать до самого дома на такси, мы доехали до конечной у ж.-д. вокзала, а дальше тащились с вещами на остановку трамвая, на пересадку, где и случился ужасный инцидент. Естественно, что всю оставшуюся жизнь меня мучает вопрос: жадность наказуема? Что я сэкономил, если учесть, что пришлось все равно ловить такси, парализованную кошку везти к ветеринару и платить за усыпляющий укол?

– Что это у тебя? – Коля Голюшев, учитель рисунка, смотрит мои натурные зарисовки на летней практике у берегов Волги. – Так, я вижу, свинья. Еще одна свинья. А это что? Групповой набросок. Еще свиньи. Да, понятно, а это? Целое стадо. Хорошо. Хорошо. Неплохо. Что еще у тебя есть? Вот это? Ну-ну, сейчас посмотрим. Опять свиньи? Сколько свиней! М-да! Может, хватит? Да ну их на...! Да ну их... к свиньям! Рисуй уже что-нибудь другое!

Дядя Коля инвалид войны. Дядя Коля гонял машины зимой через Ладожское озеро. Завистники и злые языки утверждают, что он сказочно разбогател, перевозя блокадников на Большую землю, – люди отдавали последнее, чтобы вырваться из осажденного Ленинграда, а именно: снимали с себя золото и драгоценности. У дяди Коли ночью боли и бессонница, поэтому он спугнул вора, застрявшего в его форточке. С тех пор мелкую истеричную собачонку по имени Пальма, целый день лаявшую на цепи у сарая, на ночь забирали в комнату. Врачи рекомендовали инвалиду кушать домашних голубей, но это ему не помогло – прожил он недолго. Фантазия дяди Коли была недюжинная. Один из образов, им созданных, живет во мне уже лет пятьдесят. Чтобы я не подбирал с земли и не тащил в рот незрелые яблоки, он уверял меня, что внутри плода живут крохотные зеленые лягушки. И представьте себе – я их видел!

Старая облезлая лиса провожает глазами поезд. И о чем она думает? Может, ей кажется, что внутри вагоны набиты молодыми сочными мышами?

Старик индус не стрижет ни волос, ни ногтей. Ногти вьются полутораметровыми спиралями и мешают при ходьбе. Но ему и незачем ходить – он демонстрирует прохожим дело своей жизни – отращивание ногтей, и его из уважения за это кормят. А собака жильцов лачуги возле средней школы № 13 ничего не демонстрирует, хотя ее когти на ногах, каждый в отдельности, уже похожи на бараньи рога, и ходить собаке нет никакой мочи – она мучительно ковыляет. Это глупые дети из любопытства остригли ей когти, и те разрослись до немыслимого размера.

В реке моего детства всегда плавала падаль. И мы всегда купались в этой реке Смотрич (левый приток Днестра) – другой у нас не было. Кто замечал первым – орал привычное: «Атас! Здыхота!». И все выскакивали на берег, переждать, пока проплывет разбухшее покрытое мухами тело. Чаще всего собаки, иногда свиньи, реже теленка. Плавали в Смотриче и трупы убитых людей.

Народная присказка, выражающая самую превосходную степень любовного отношения: она моет ноги, а он эту юшку пьет. Маленький кобелек Эдик, смуглый, армянской внешности, был безумно влюблен в Шавку Белову – действительно блондинку. Стоило ей присесть на минутку и пописать на асфальт – он жадно лакал ее мочу, хотя я уверен, что он и понятия не имел о модном увлечении уринотерапией. Конечно, он бы и воду помойную пил с удовольствием, но ей не случилось при нем мыть ног.

Лишние люди – модная проблема девятнадцатого века. Онегин, Печорин, Базаров. Лишние кошки – тоже вопрос не из прошлых. Куда их девать, что с ними делать? Сажать на клумбу, как делал один знакомый со своими подростками котятками, в надежде, что добрые люди подберут? Нести на рынок и сидеть с табличкой: «Дарятся котята на хорошее содержание»? Или звать на помощь какую-нибудь знакомую тетю Валю – она мастерски утопит излишки в ведре с водой. При советской власти врачей-ветеринаров, специализировавшихся на домашних жи-

вотных, почти не было (котов с грехом пополам еще кастрировали, а кошек очень редко), а возня с не коровами и не свиньями приравнивалась к буржуазным пережиткам. Дамочка с любимой кошечкой – образ карикатурно отрицательный, квинтэссенция мещанства на фоне бравых и мужественных строителей коммунизма. Однако две плодоносящих три раза в год кошки (в расцвете репродуктивных сил) давали приплод приблизительно около тридцати особей в год...

Сорок лет назад в самом центре Одессы глубокой ночью я увидел странное существо. Размером с кошку, оно перебегало трамвайные пути. Было темновато, но очертание зверя, контур, освещенный сзади, был четкий и не характерный для кошачьих. Спина выгнута дугой, живот подтянутый и прыжки как бы ныряющие. И хвост – очень длинный и пушистый. Видение было слишком коротким, чтобы рассмотреть животное подробно. А когда исчезло, то и вовсе стало казаться, что мне померещилось. Но коренные одесситы совсем не удивились: «Да это куница, их тут по чердакам кишмя кишит!». Больше я их не видел, почти сорок лет меня мучила мысль: как же так, они живут рядом, а мне не встречаются? И вдруг в прошлом году на моей крыше в сумерках возле печной трубы я увидел темный силуэт. Странность была в том, что ни одна дворовая кошка на этом участке крыши не появлялась никогда. У них свои привычки и свои маршруты. Две ветки старой липы используются кошками, а третья почему-то им не интересна. И вот эта вроде кошка повернулась в профиль, и я увидел характерную змеиную головку на длинной шее: то ли горноста́я, то ли хорька, то ли норки. Куница каменная – так обозначено это существо в энциклопедии. Ведет ночной образ жизни, в городах питается крысами и голубями. Любит грызть провода кабельного телевидения. Звери (их оказалось трое) заявили, привлеченные запахом моего грача, он, как граф Монте-Кристо, уже четыре года долбил стену мансарды изнутри. Люсьен надеялся выбраться когда-нибудь на свободу, не понимая, что с поломанным крылом на воле он не жилец. В летнюю жару специфический аромат курятника через открытое окно моей мастерской распространился по округе. И вот эти три весе-

лые сволочи, как их окрестила моя жена, а я назвал Мария, Роза и Рая, устроили под окнами мансарды настоящее цирковое представление. «Ужимки и прыжки» редкой красоты демонстрировала эта группа. Но до окна добраться так и не смогли – высокогато даже для их проникающей способности. С этого дня, как только начинает смеркаться, они появляются на фоне еще светлого неба на крыше пристройки. Сначала смотрят по сторонам и на меня, сидящего напротив, этажом ниже, на балконе, как в ложе театра, – всего метрах в десяти от них. Потом подбегают к окну мастерской – проверить, нет ли для них чего-нибудь вкусного (все, что не доедает птица, я через форточку теперь выбрасываю на крышу для них). А дальше у куниц образовался один и тот же маршрут: по ветке огромной липы они спускаются вниз до основной развилки, а оттуда по другой ветке поднимаются на крышу противоположного дома. И там я их теряю из вида в густой листве дерева. Временами я слышу, как они возвращаются из соседнего двора: с характерным «щебетом» проносятся по дереву, молниеносно, куда там кошкам. Иногда на чердаке я вижу в пыли их следы. Даже если они не попадают на глаза очень долго – я все равно чувствую их присутствие, и это меня радует.

Рисунки автора

